

На правах рукописи

Салахова Ильвера Ирфановна

**АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЮРКО-ТАТАРСКОМ
ПАМЯТНИКЕ XIV ВЕКА «НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС»
МАХМУДА АЛ-БУЛГАРИ**

Специальность 10.02.02. – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Казань – 2015

Работа выполнена на кафедре татарского языка и методики преподавания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: **Нуриева Фануза Шакуровна**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Насипов Ильшат Сахиятуллович**
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой татарского языка
и литературы БГПУ им. М. Акмуллы
(г. Уфа)

Гилемшин Флёр Фоатович
кандидат филологических наук, доцент,
руководитель Аппарата Президиума
Академии наук Республики Татарстан
(г. Казань)

Ведущая организация: Институт стран Азии и Африки
МГУ им. М.В.Ломоносова (г. Москва)

Защита диссертации состоится 2 июля 2015 г. в 16.00 на заседании Диссертационного совета Д 212.081.12 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35).

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета (<http://www.kpfu.ru>) и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ (<http://vak.ed.gov.ru>).

Автореферат разослан «_____» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

А.Ф. Юсупов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Для воссоздания истории развития тюркских языков и их литературных норм необходим всесторонний лингвистический анализ письменных памятников, насыщенных арабской заимствованной лексикой, являющейся неотъемлемым культурным пластом татарского народа и его литературного языка.

Несомненную значимость с точки зрения истории татарского языка представляют арабографические тюркоязычные рукописи, оказавшие огромное влияние на развитие и становление татарского литературного языка. Именно к таким памятникам принадлежит произведение «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари (1358). Целенаправленное изучение функционирования арабизмов в произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари предоставляет возможность глубже раскрыть механизмы проникновения заимствований.

Актуальность выбранной темы обусловлена отсутствием специальных работ, посвященных исследованию и системному анализу арабских заимствований в средневековых тюркоязычных памятниках. Учитывая возрождение национальных культурных традиций татарского народа и неослабевающий интерес к арабскому языку, изучение тюрко-татарских памятников средневековья особенно актуально для восстановления этапов проникновения арабизмов в татарский язык и их адаптации в тюркоязычных текстах.

Исследование арабских заимствований одного из значимых средневековых произведений раскрывает лексическое богатство произведения, а также позволяет изучить процесс становления татарского литературного языка.

Функционирование арабских заимствований в современном татарском языке исследованы в трудах И.Ш. Авхадиева, Г.М. Ишмухамметова, М.И. Махмутова, И.И. Сиразиева. В многоаспектных исследованиях, посвященных средневековым памятникам, арабские заимствования фрагментарно описаны в трудах таких тюркологов, как С.Е. Малов, Э.Н. Наджип, Ф.Ш.Нуриева, А.Н. Самойлович, Э.И. Фазылов, Ф.С.Хакимзянов, В.Х.Хаков, Ф.М.Хисамова, Я. Экман и др.

Научная новизна работы, в первую очередь, определяется материалом исследования. Диссертационная работа представляет собой первый опыт описания и функционирования арабских заимствований и процесс их адаптации в арабографическом тюрко-татарском тексте XIV века «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари.

В работе впервые был проведен всесторонний, систематический анализ функционирования арабских лексических заимствований в произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари и предложен комплексный подход к анализу языковых явлений, позволяющий проследить процесс адаптации арабских заимствований в тюркоязычном тексте.

Новыми являются также системное описание отобранных для анализа языковых средств и попытка собственной интерпретации языковых фактов.

Перевод отдельных примеров из стамбульского списка «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, переписанного в 1360 г., теоретических положений из арабоязычных грамматик на русский язык осуществлен автором диссертации.

Объектом исследования является текст произведения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари.

Предмет исследования – фонетические, морфологические и лексико-семантические аспекты арабских заимствований в произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари.

Источником исследования является стамбульский список произведения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, переписанный в 1360 г.¹, а также его вариант, переложенный на кириллицу Ф.Ш. Нуриевой.²

Цель диссертационной работы – выявление и описание функционирования арабизмов в тексте «Нахдж ал-Фарадис» и раскрытие своеобразия их употребления в фонетическом, морфологическом и лексико-семантическом аспектах.

В соответствии с поставленной целью, в исследовании ставятся следующие **задачи**:

- выявить круг арабизмов в тексте «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари;
- описать функционирование арабских графем и фонем, раскрыть механизмы их адаптации в тюркоязычном тексте;
- охарактеризовать арабские части речи и грамматические категории в памятнике «Нахдж ал-Фарадис»;
- определить лексико-семантический потенциал арабской заимствованной лексики в памятнике.

Теоретической базой исследования послужили научно-теоретические разработки таких ученых-тюркологов, как И.А. Абдуллин, М.И. Ахметзянов, А.В. Дыбо, С.Е. Малов, Х.Ю. Миннегулов, Э.Н. Наджип, Д.М. Насилов, Ф.Ш. Нуриева, А.Н. Самойлович, Э.Р. Тенишев, Э.И. Фазылов, Ф.М. Хисамова, и др., а также научные труды ученых-арабистов, таких, как В.М. Белкин, Б.М. Гранде, Г.Г. Зайнуллин, В.А. Звегинцев, И.Г. Мифтахова, В.С. Рыбалкин, Д.В. Фролов, Б.З. Халидов и др. При описании арабизмов в языке памятника «Нахдж ал-Фарадис» опирались на научные работы Г.М. Ишмухамметова, М.И. Махмутова, И.Ш. Аухадиева. Для уточнения значений заимствованных слов был использован «Арабско-русский словарь» Х.К. Баранова.

Методы исследования. В работе были использованы следующие лингвистические методы: описательный, который располагает рядом приемов лингвистического наблюдения, а также приемами классификации и систематизации; сравнительно-исторический, сопоставительный, статистический методы исследования, приемы частичной и сплошной выборки исследуемого материала (арабских заимствований). Были также применены элементы этимологического анализа, который позволяет установить происхождение слова и исключить возможность неверной интерпретации.

Теоретическая значимость определяется актуальностью разрабатываемой проблемы. Полученные научные результаты и теоретические положения работы могут быть применены в исследованиях по истории тюркских литературных язы-

¹ Eckman, Janos. Nehcül-Feradis / Janos Eckman. – Ankara, 1956. – S. 444.

² Эл-Болгари, Мәхмүд. Нәһжел-фәрадис / Нуриева Ф. әзерләвендә. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – 384 б.

ков, в том числе татарского, а также в типологических разработках по описанию всех этапов развития татарского литературного языка.

Практическая значимость Основные выводы и материалы диссертации могут найти применение при разработке лекционных курсов и проведении семинаров по старотатарскому языку, истории татарского литературного языка, исторической лексикологии, в спецкурсах по лингвистическому анализу художественного текста, а также в качестве источниковедческой базы в процессе составления лингвистических словарей. Результаты исследования могут найти применение в практике перевода текстов с арабского языка на татарский язык.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Арабские заимствования в произведении «Нахдж ал-Фарадис» представляют собой значительный пласт лексики текста: в памятнике 1127 – лексемы тюркского, 894 – арабского и 252 – персидского происхождения¹, то есть на долю арабской лексики приходится 39% от общего количества лексических единиц. В диссертационной работе рассматривается функционирование арабских заимствований в фонетическом, морфологическом и лексико-семантическом аспектах и механизмы их адаптации в тюрко-татарском памятнике «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари.

2. В целом, графо-фонетическом оформлении арабизмов произведения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари наблюдается сохранение орфографических норм арабского языка. Графо-фонетическое варьирование отдельных лексем является результатом их адаптации в строй тюрко-татарского языка.

3. Грамматическая адаптация арабских заимствований в языке «Нахдж ал-Фарадис» реализуется путем прекращения функционирования арабского рода, падежа, числа и состояния и приобретения показателей грамматических категорий татарского языка, таких как число, падеж и принадлежность.

4. Лексемы арабского происхождения в произведении, главным образом, сконцентрированы в следующих тематических группах: мусульманская религиозная лексика, мусульманская правовая лексика, торгово-экономическая лексика, бытовая лексика, термины родства и свойства.

5. Выявляется четкая связь между уровнем функциональной активности и степенью адаптации арабизмов в тексте тюрко-татарского памятника.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в виде докладов и сообщений на ежегодных итоговых научных конференциях Российского исламского института, г.Казань (2009–2013), на всероссийской научно-практической конференции «Теория и практика подготовки учителя иностранного языка: опыт, проблемы, перспективы» Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Казань (2010), на научно-практической конференции «Хаковские чтения» Казанского федерального университета, г.Казань (2012). Промежуточные исследования отражены в 13 публикациях, 3 из которых опубликованы в изданиях, включенных в утвержденный ВАК РФ перечень ведущих рецензируемых научных журналов: в Чувашском государственном

¹ Нуриева, Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода / Ф. Ш. Нуриева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – С.133.

университете – «Вестник Чувашского университета» №2 (2010), в Красноярском государственном университете – «В мире научных открытий» №7 (2014) и в Ленинградском государственном университете им. А.С.Пушкина – «Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина» №4 (2014).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка использованной литературы, включающего 267 наименований. Общий объем диссертационного исследования составляет 209 страниц машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, формируются научная проблема, на решение которой направлено исследование, его цели и задачи, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая ценность работы, характеризуются методологические основы анализа, защищаемые положения, отмечается апробация работы.

В первой главе **«Графо-фонетические особенности арабских лексических заимствований в произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари»**, состоящей из двух разделов, рассматриваются теоретические вопросы, касающиеся особенностей графо-фонетического освоения арабизмов в тексте «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, дается обзор трудов, явившихся объектом изучения. Исследованию вопросов фонетического освоения арабизмов в современном татарском языке были посвящены работы И.Ш. Авхадиева¹, М.И. Махмутова², К.С. Сабирова³. Графо-фонетика тюркизмов произведения «Нахдж ал-Фарадис» подробно изучена в труде Ф.Ш.Нуриевой⁴. В этой главе диссертации нами рассматриваются графо-фонетические особенности функционирования арабизмов и характер их изменений в тюрко-татарском тексте «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. Татарский и арабский языки относятся к разным языковым семьям. Принадлежность к типологически разным системам наложило своеобразный отпечаток на фонетико-графическую передачу заимствованных единиц. В арабской графике трудно реализовать точную передачу всех существующих фонем татарского языка – особенно сложно определить передачу гласных фонем.

В разделе **“1.1. Графемы, передающие арабские гласные фонемы, и их отражение в произведении «Нахдж ал-Фарадис» М. Булгари”** в орфографии графем, передающих долгие гласные выявляются следующие особенности:

¹ Әүхәдиев, И.Ш. Гарәп алынмаларының фонетик үзәштерелүе турында / И.Ш. Әүхәдиев // Татар тел белеме мәсьәләләре. – 3 кит. – Казан : Казан ун-ты нәшр., 1969. – Б. 112–134.

² Мәхмүтов, М.И. Татар әдәби телендә гарәп алынмаларының фонетик һәм грамматик үзләштерелүе: филол. фән. канд. ... дис.: 10.02.02 / Мәхмүтов Мирза Исмаилович. – Казан, 1966. – 334 б.

³ Сабиров, К.С. Алынма сүзләрдә кушымчалар / К.С. Сабиров // Совет мәктәбе. – 1977. – № 7. – Б. 27-30.

⁴ Нуриева, Ф.Ш. Исследование языка памятника XIV в. «Нахдж ал-Фарадис» : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.02.06 / Нуриева Фануза Шакуровна. – Казань, 1993. – 24 с.

Система гласных в арабском языке отображается тремя графемами ا, و, ي диакритическими знаками фатха, дамма и кясра, которые в тексте «Нахдж ал-Фарадис» служат для передачи девяти гласных фонем: [a], [ə], [y], [ʏ], [e, э], [o], [ə], [ы], [и].

1. Функционирование графемы ا (алиф). В арабском языке графема алиф- ا без специальных огласовок фатха, кясра или дамма совместно с хамзой не выражает никакого звука. В «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, в арабских заимствованиях графема алиф встречается во всех позициях, которые характерны для арабского языка:

а) ا (хамзованный алиф, огласованный фатхой) передает фонемы [a] и [ə]. В арабизмах произведения «Нахдж ал-Фарадис» встречается в анлауте и инлауте: أَقْرَبَا [акрыйбэ] – родные, родственники [НФ, с. 443], أَثَّرَ قَيْلِدِي [эсэр кылды] – пленил [НФ, с. 438], أَمَرَ [эмер] – приказ [НФ, с. 4], تَأَخَّرَ [тэ хыйр] – опоздание [НФ, с. 305], مُأَذِّنٌ [мө'эззин] – призывающий на молитву [НФ, с. 202], جُرْأَتٌ [жөр'эт] – смелость [НФ, с. 402]. Нужно подчеркнуть, что в тюркизмах памятника зафиксирована лишь анлаутная форма хамзованного алифа, огласованного фатхой, для передачи фонемы [a]: أَتْلِيغٌ [атлығ] – по имени [НФ, с. 3], أَرْقَاسِيْنْدِيْن [аркасындын] – с его спины [НФ, с. 12], أَغَاجٌ [ағач] – дерево [НФ, с. 186]. Происходит сужение функции хамзованного алифа, огласованного фатхой в тюркоязычном тексте.

б) Наблюдается расширение функции графемы ا (хамзованный алиф, огласованный даммой). Если в арабском языке ا передает фонему [y], то в тексте «Нахдж ал-Фарадис» служит для обозначения [y], [o], [ə], [ʏ] и встречается только в анлауте арабских слов: أَسْتَاذَلَارٌ [остазлар] – учителя [НФ, с. 443], أُمُّ الْمُؤْمِنِيْنَ [өммел-мөэ'минйн] – мать правоверных [НФ, с. 253], أَمْرَاءٌ [өмэрә'] – эмиры [НФ, с. 300], أَجْرَاسِي [өжрэсе] – его плата, гонорар [НФ, с. 164], أُبَيْحَةُ [үбэйхэ] – Убейха (имя) [НФ1, 277].

в) ا (хамзованной алиф, огласованный кясрой) передающий в арабском языке краткий [и], в памятнике зафиксирован лишь в анлауте арабизмов: إِخْلَاصٌ [ихләс] – искренность [НФ, с. 405], إِيْمَانٌ [йман] – вера в Аллаха [НФ, с. 6], إِبْلِيْسٌ [иблйс] – Иблис (сатана) [НФ, с. 280].

2. Функционирование графемы اَ (алиф мадд). Алиф мадд в арабском языке – это средство удлинения хамзованного алифа, то есть служит для передачи сверхдолгих гласных [ā] или [ə]. Примеры: в анлауте: أَدَمٌ [адэм] – Адам [НФ, с. 280], آيَتٌ [айэт] – аят [НФ, с. 4], آمَنَّا [эмэннэ] – мы уверовали [НФ, с. 2], آخِرَتٌ [ахыйрэт] – загробная жизнь [НФ, с. 124]. В инлауте зафиксирован только в слове قُرْآنٌ [Қор'эн] – Коран [НФ, с. 131]. اَ (алиф мадд) в тюркских словах утратил функцию сверхдолготы и служит для передачи гласного [a]: أَتٌ [ат] – имя [НФ, с. 3], أَزٌ [аз] – мало [НФ, с. 124], آوَاظٌ [аўаз] – звук [НФ, с. 104]. В тексте встречающееся вариативное написание أَتْلِيغٌ : أَتْلِيغٌ [атлығ] – [НФ, с. 11, 52, 118, 130] и أَتْلِيغٌ [атлығ] – [НФ, с. 3, 23, 26, 228] является тому подтверждением.

3. Функционирование графемы و (уау). В памятнике “Нахдж ал-Фарадис” графема و (уау) может передавать как долгий звук [y], как в арабском языке, так и долгие фонемы [o], [ʏ]. Наблюдается адаптация графемы و в передаче фонем в тюркоязычном тексте: عَجُوزٌ [ғажўз] – старуха [НФ, с. 398], يُوْسُفٌ [йосыф] – Иосиф [НФ, с. 61], مَشْهُوْرٌ [мэшһүр] – известный [НФ, с. 387].

و (уау) также в инлауте и ауслауте может служить подставкой для хамзы, если конечной хамзе предшествует дамма, например: سُؤَالٌ [сә'әл] – вопрос [НФ, с. 230], مُؤْمِنٌ [мә'әмин] – уверовавший [НФ, с. 4], أَبُو لُؤْلُؤٍ [әбү лә'ә ләә'] – Абу Лю-лю [НФ, с. 117].

4. Функционирование графемы ي (йа). Для передачи долгих гласных [и] и [ы], графема ي в произведении «Нахдж ал-Фарадис» активно использована как в арабизмах, так и тюркизмах, в инлауте: شَهِيدٌ [шәһид] – павший за веру [НФ, с. 170], جَزِيرَةٌ [жәзйра] – остров [НФ, с. 404], زَنْجِيرٌ [зәнжйр] – цепь [НФ, с. 147], بَخِيلٌ [бәхбйл] – жадный [НФ, с. 231], قَاصِدَةٌ [қасбйдә]; в ауслауте: لَحْمَانِي [ләхмәни] – тучный [НФ, с. 233], يَعْنِي [йәғни] – то есть, значит [НФ, с. 4], يَهُودِي [йәһүди] – еврей [НФ, с. 305], قَاضِي [қәдый] – судья [НФ, с. 259], عَاصِي [ғәсбй] – неповинующийся, грешный [НФ, с. 2]. ي (йа) в инлауте и ауслауте арабизмов может служить подставкой для хамзы и в арабском языке пишется без диакритических точек: سَائِلٌ [сә'ил] – спрашивающий [НФ, с. 190], جَبْرِئِيلٌ [жәбра'йл] – Гавриил [НФ, с. 217]. Только в одном случае, имя собственное عَائِشَةُ [ғәйшә] по всему тексту «Нахдж ал-Фарадис» написано с диакритическими точками и без хамзы: عَائِشَةُ – Аиша [НФ, с. 87]. Автор приспособил хамзу к нормам татарского языка.

Арабографические тюркоязычные средневековые тексты, в основном, написаны без диакритических знаков. Исключением является стамбульский список произведения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, переписанный в 1360 году.

В памятнике, для обозначения гласных также использованы следующие диакритические знаки: фатха, дамма и кясра.

1. Функционирование огласовки َ (фатха). Огласовка фатха, находясь в инлауте и ауслауте арабских заимствований, передает краткие гласные [а] – широкий нелабиализованный краткий гласный заднего ряда и [ә] – широкий нелабиализованный краткий гласный переднего ряда.

В произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари фатха активно использована в инлауте: عَرَقٌ [ғарак] – пот [НФ, с. 418], قَطْرَةٌ [қатра] – капля [НФ, с. 69], صِرَاطٌ [сыйрәт] – рел.: прямая дорога, путь [НФ, с. 230], مَدَدٌ [мәдәд] – срок [НФ, с. 116], يَمَنٌ [йәмән] – Йемен [НФ, с. 41], سَبَبٌ [сәбәб] – причина [НФ, с. 17]. В ауслауте фатха зафиксирована лишь в глаголах прошедшего времени, находящихся в составе устойчивых выражений: رَضِيَ اللَّهُ عَنْهُ [радыйә Аллаху ғанһу] – Аллах был доволен им [НФ, с. 94], إِنْ شَاءَ اللَّهُ [ин шә' Аллаху] – если пожелает Аллах [НФ, с. 94] и в первом слове идафы, которой предшествовала звательная частица يَا رَسُولَ اللَّهِ [йә расүлә Алләһи] – о, пророк Аллах [НФ, с. 306].

В тюркских словах памятника фатха зафиксирована лишь в инлауте: يَلْغُوزٌ [йәлгбз] – один, одинокий [НФ, с. 299], قَرِينْدَاشِي [қарындашы] – его родственник [НФ, с. 272]. Таким образом, выявлено сужение функции огласовки фатха в тюркоязычном тексте.

2. Функционирование огласовки ُ (дамма). В арабском языке огласовка дамма используется для передачи фонемы [у] – лабиализованного краткого гласного переднего ряда, заднего подъема в инлауте и ауслауте. В тексте «Нахдж ал-Фарадис» происходит расширение функции графемы дамма при передаче гласных и она применяется для выражения четырех лабиализованных фонем: [y], [o], [ö], [ү] – в инлауте: قُرَيْشٌ [қорәйш] – курайш [НФ, с. 3], تَوَاضَعُ [тәвәдуғ] – скром-

ность [НФ, с. 35], مُعَلِّم [мөғаллим] – учитель [НФ, с. 330], مُصْطَفَى [моcтафа] – избранный, отборный [НФ, с. 208], مُنَاسِب [мөнәсиб] – соответствующий [НФ, с. 2], تَمَسُّك [тәмәссүк] – опора [НФ, с. 2], تَعَجُّب [тәғажжүб] – удивление [НФ, с. 22], حَسَد [хөсед] – зависть [НФ, с. 66]. В ауслауте дамма сохранилась, частично, в первом слове арабской идафы: مَلَكُ الْمَوْتِ [мәләкулмәүт] – ангел смерти [НФ, с. 88], كَلَامُ اللَّهِ [кәләмуЛләһ] – речь Аллаха (Коран) [НФ, с. 168] и в составе устойчивых выражений: الْحَمْدُ لِلَّهِ [әлхәмду лиЛләһи] – слава Аллаху [НФ, с. 278], خَالِدُ بْنُ الْوَلِيدِ [хәлид ибнул ʿәлйид] – Халид сын Валида [НФ, с. 40]. А в тюркских словах она встречается лишь в инлауте: مُنْدَغ [мундағ] – такой [НФ, с. 198]; دُشْتَنِي [дүште] – спустился [НФ, с. 353]. В ауслауте тюркских слов дамма не зафиксирована.

3. Функционирование огласовки (кясра). Огласовка кясра используется в инлауте и ауслауте арабских заимствований и передает фонемы [и] – гласный переднего ряда, верхнего подъема и [ы] – нелабиализованный гласный среднего подъема. Например, в инлауте: شَاعِرْلَار [шәғыйрләр] – поэты [НФ, с. 86], عِنَان [ғыйнән] – повод, узда [НФ, с. 375], بِنَا [бинә] – здание, строение [НФ, с. 217], حِجَاب [хижәб] – покрывало [НФ, с. 182]. В ауслауте: кясра в рукописи сохранилась, в основном, в составе арабских устойчивых выражений: الْحَمْدُ لِلَّهِ [әлхәмду лиЛләһи] – слава Аллаху [НФ, с. 278], وَاللَّهِ [ʿәлЛләһи] – клянусь Аллахом [НФ, с. 8], يَا رَسُولَ اللَّهِ [йә расүлә Алләһи] – о, пророк Аллаха [НФ, с. 306] и др. В ауслауте тюркских слов кясра не зафиксирована.

В арабизмах, в целом, в написании графем, передающих долгие и краткие гласные в тексте «Нахдж ал-Фарадис» сохраняется арабская орфографическая норма. Адаптация наблюдается в сужении функции графемы ʾ (алиф мадд), огласовок фатха, кясра и расширения – графем ʾ (хамзованный алиф, огласованный даммой), ʾ (уау), огласовки дамма.

Раздел “1.2. Графемы, передающие арабские согласные фонемы, и их отражение в произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари” посвящен анализу арабизмов на консонантном уровне. Несмотря на значительные различия консонантных систем арабского и тюркских языков, арабские ب, ت, ج, ح, خ, ز, ر, د, خ, ج, ت, ب универсальны и применяются в тексте в арабских и тюркских словах, а графемы ذ, ث, ص, ض, ط, ظ, ع передают специфические консонанты арабского языка.

В диссертационной работе нами был проведен подробный анализ консонантной системы текста «Нахдж ал-Фарадис». Исследование графо-фонетики был осуществлен по принципу «от графемы к фонеме». Функционирование графем в тексте рассматривалось на основе структурно-позиционного подхода (анлаут, инлаут, ауслаут). Здесь остановимся лишь на особенностях консонантов.

В арабском языке звонкие согласные не оглушаются как в тюркских языках: سَبَب [сәбәб] – причина [НФ1, с. 17]; حَسَد [хөсед] – зависть [НФ1, с. 66]; نَبْضٌ [нәбыд] – пульс [НФ1, с. 233] и др.

Графемы ت (передающий переднеязычный смычной глухой звук [t]) и ط (выражающий эмфатический зазубной палатализованный взрывной глухой согласный [t̤]) в арабском языке выполняют семантическую разграничительную функцию и отличаются качеством звука. Примеры: طَعَام [тағәм] – пища [НФ1, с. 146], بَنَاتِيكَ [бинтнәң] – из дочерей [НФ1, с. 4], и др. В тексте «Нахдж ал-

Фарадис» зафиксированы случаи применения графемы ط и в тюркских словах для передачи твердости звука: بالطه [балта] – топор, قطع [катыҥ] – твердый [НФ1, с. 225]; أط [ат] – лошадь [НФ1, с. 20].

Графемы س, ص, ث в тексте «Нахдж ал-Фарадис» имеют четкое разграничение в написании арабских слов. س (передающий переднеязычный свистящий щелевой глухой согласный [с]), являясь универсальной графемой, зафиксирована как в арабизмах, так и тюркизмах: سوسادی [сусады] – почувствовал жажду [НФ1, с. 12], نفیس [нэфйс] – красивый, изящный [НФ1, с. 80] и др., а специфические ص (выражающий эмфатическое шумное зазубное фрикативное глухое согласное [с̣]) и ث (передающий межзубный фрикативный глухой щелевой звук [с̥]) лишь в арабизмах: ثواب [сәуәб] – воздаяние добром [НФ1, с. 11], وارث [үәрис] – наследник [НФ1, с. 299], صحراदा [сахрада] – в пустыне [НФ1, с. 155], صید [сайыд] – охота [НФ1, с. 268] и др.

Графемы ح (передает верхнефарингальное щелевое согласное [х]), خ (выражает глубоко-задненебный шумный фрикативный глухой звук [x]) и ه (передает щелевой ларингальный глухой [h]) в арабском языке выполняют семантическую разграничительную функцию и отличаются качеством звука. В тексте «Нахдж ал-Фарадис» соблюдается арабская орфографическая норма написания данных графем: حَدِيث [хәдйс] – хадис [НФ1, с. 3], سِحْر [сихер] – колдовство [НФ1, с. 21], مَدْح [мәдех] – ода, хвала [НФ1, с. 82], خَبْر [хәбәр] – новость [НФ1, с. 185], إِخْلَاص [ихләс] – искренний [НФ1, с. 405], مُهْلَت [мөһләт] – рассрочка [НФ1, с. 279], فَكْه [фәкһ] – знаток фикха [НФ1, с. 232]. Одним из отклонений от норм арабского языка является употребление графемы ه в произведении для обозначения - расмий [ә]: هَدِيَّة [хәдийә] – подарок [НФ1, с. 24], تَوْبَه [тәүбә] – покаяние [НФ, с. 322].

Графемы د (передает переднеязычный смычный звонкий согласный [д]) и ض (эмфатический шумный зазубный взрывной звонкий согласный [д̣]) в арабском языке выполняют семантическую разграничительную функцию и отличаются качеством звука. د является универсальной графемой, а ض зафиксирована лишь в арабизмах: دَخْل [дәхел] – доход [НФ1, с. 186], دَرَجَة [дәрәжә] – степень, ранг [НФ1, с. 104], دُعَا [доғә] – мольба, молитва [НФ1, с. 168], قَاضِي [қәдбй] – судья [НФ1, с. 259], نَبْض [нәбыд] – пульс [НФ1, с. 233] и др.

Графемы ز (передающий переднеязычный свистящий звонкий согласный [з]), ذ (выражающий специфический межзубный фрикативный звонкий звук [з̣]) и ظ (передающий эмфатический шумный зазубный фрикативный звонкий согласный [з̣]) в арабском языке выполняют семантическую разграничительную функцию и отличаются качеством звука. ز является универсальной графемой и в памятнике «Нахдж ал-Фарадис» используется как в арабизмах, так и тюркизмах, а ذ и ظ зафиксированы лишь в арабизмах: قِزِيل [кызыл] – красный [НФ1, с. 37], زَنْجِير [зәнжйр] – цепь, оковы [НФ1, с. 147], غَزِيْر [ғәзйз] – могущественный [НФ1, с. 212], ذِكْر [зикер] – упоминание [НФ1, с. 10], نَذْر [нәзер] – обет [НФ1, с. 140], ظَاهِر [з.āhir] – видимый [НФ1, с. 5]; نَظْر [наз.ар] – взгляд [НФ1, с. 30].

Специфический звук арабского языка [ʕ] передается графемой ع и встречается во всех позициях арабизмов: عَسَل [ғасәл] – мед [НФ1, с. 57], سَاعَت [сәғәт] – час [НФ1, с. 233], مُرَبَّع [мөраббәғ] – квадрат [НФ1, с. 64]. А غ (передающий глубоко-задненебный шумный фрикативный звонкий согласный звук [ɣ]) универсален и

зафиксирован как в арабизмах: غَار [gār] – пещера [НФ1, с. 6], دِمَاغِي [димāғы] – его мозг [НФ1, с. 67], مَبْلَغ [мэблāғ] – сумма [НФ1, с. 233] и др., так и тюркизмах: سِيْغِمَاس [сығмās] – не поместится [НФ1, с. 2] и др. Махмуд ал-Булгари в арабизмах четко сохраняет правописание универсальной графемы غ и специфической ع.

В произведении ف – губно-зубной щелевой согласный [ф] встречается лишь в арабизмах: فَصْل [фасыл] – раздел [НФ1, с. 2], نَفَقَةٌ [нэфэкэ] – расход [НФ1, с. 262], صَف [сəф] – ряд [НФ1, с. 47]; مُصْحَف [моsxəф] – свиток [НФ1, с. 136]. В тюркских словах этот звук гафически не выделяется. В произведении Махмуда ал-Булгари графема ف зафиксирована лишь в междометии أَوْف [уф] – вздох [НФ1, с. 285] и образованного от него глагола-أَوْفَتُو [уфтану] – вздыхать [НФ1, с. 158].

Графемы ق (передает глубоко-задненёбный шумный взрывной глухой согласный [к]) и ك (выражает средненёбный палатализованный взрывной шумный глухой согласный звук [к]), выполняют семантическую разграничительную функцию в арабском языке и отличаются качеством звука и в тексте зафиксированы как в арабизмах, так и тюркизмах: رِزْق [ризык] – пища [НФ1, с. 25], قَصِيدَه [қасбйдэ] – поэма [НФ1, с. 259], كَعْبَه [кэғбэ] – Кааба [НФ1, с. 274], ذِكْر [зикер] – упоминание [НФ1, с. 10]. В тюркских словах произведения «Нахдж ал-Фарадис» графемы ق и ك использованы для разграничения твердости-мягкости [к]: قِيلْدِي [кылды] – сделал [НФ1, с. 7], كِيلْدِي [килде] – пришел [НФ1, с. 153].

Слова с анлаутным [м] в большинстве случаев в тексте являются арабскими заимствованиями: из 277 слов на начальный [м] только 14 слов – тюркские, остальные арабского происхождения.

В арабском языке шадда (удвоение согласного) встречается в инлауте и ауслауте. В тексте «Нахдж ал-Фарадис» зафиксирована лишь инлаутная позиция шадды: ذَلَّلَارِين [зэллэтлэрен] – их ошибки [НФ1, с. 4]; مَشَقَّت [мэшэкқат] – затруднение, трудность [НФ1, с. 9]; عِلَّت [ғыйллэт] – болезнь [НФ1, с. 330].

В целом, в написании графем, передающих гласные и согласные, сохраняется арабская орфографическая норма. Показателем освоения арабизмов в тюркоязычном тексте является сужение функции графемы ا (алиф мадд), огласовок фатха, кяса и расширение графем ا (хамзованный алиф, огласованный даммой), و (уау), огласовки дамма. Наблюдается адаптация графем, передающих гласные.

На консонантном уровне, в основном, сохраняется орфографическая норма арабских согласных.

Во второй главе «Грамматическое освоение арабских заимствований в произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари» рассматриваются функционирования арабских частей речи, их грамматических категорий и их адаптация в тексте. С точки зрения структурно-морфологического состава арабский язык отличается от татарского. Татарский язык относится к агглютинативным, а арабский к флективным языкам. Неодинаково и количество частей речи: в арабском языке их только три – имя, глагол, частица.

Изучение арабских частей речи в тексте «Нахдж ал-Фарадис» проводилось в соответствии с арабской грамматической традицией. Было выявлено, что в основной массе заимствования из арабского языка – это именные части речи. Арабский глагол и частицы зафиксированы лишь в устойчивых словосочетаниях. Например, глагол (5 словоформ): *шәә* (от ар. شَاءَ): «Ин *шәә* Аллаху» [НФ, с. 180] –

«Если **пожелает** Аллах». **Әмәннә вә сәддакнә** (от ар. آمَنَّا وَصَدَقْنَا) [НФ, с. 17]. – **Мы уверовали в это и считаем правдой. Йәрхәмука Раббука** (от ар. يَرْحَمُكَ) [НФ, с. 232]. – «**Да помилует** тебя Господь и др.

Арабская частица (харф) в памятнике зафиксирована в пяти примерах: و (соединительный союз «и»): «Дәхел **вә** харыж мал сезнең кәләмеgez хөкемендә» [НФ, с. 158]. – «**Денежные доходы и расходы под вашим распоряжением**». ب (соединительная частица «с, вместе»): «**Бисмилләһир-рахмәнир-рахим**» [НФ, с. 36]. – «**С именем Аллаха, Милостливого, Милосердного**». Арабские частицы противоположности لَكِنَّ и выделения أَمَّا в тюркоязычном памятнике выполняют функцию противительного союза «но, однако»: **Ләкин** тышындагы үвүшлүкне күрерләр, тәкый белүрләр кем бу мәшек эчендә су бар тип [НФ, с. 20]. – **Но увидев этот бурдюк, поймут, что внутри есть вода. Әмма** Әбу Бәкер йул бирмәде. [НФ, с. 47]. – **Но Абу Бакр не уступил** и др.

Понятие «имя» в арабской грамматике значительно шире, чем в тюркских языках. В тексте «Нахдж ал-Фарадис» из арабских именных частей речи зафиксированы: имена существительные, имена прилагательные, причастия действительного и страдательного залогов, масдары, имена места и времени, единичности, орудия; а также имена относительные и имена качественные. Арабским именным частям речи присущи грамматические категории рода, числа, состояния и падежа.

Арабская категория рода. Грамматические показатели арабского мужского рода танвин дамма и женского ة та-марбу́та с танвином дамма описываются исходя из их функций. Арабские заимствованные слова мужского и женского рода в тексте воспринимаются безотносительно рода: отсутствуют показатели арабской грамматической категории рода- танвинные окончания. Они заменяются сукуном: نَخْلٌ – доход (вместо: دَخْلٌ) [НФ, с. 186]; نَظْرٌ – взгляд (вместо: نَظَرٌ) [НФ, с. 30]. Арабское окончание женского рода та-марбу́та- ة также не сохранила свои танвинные окончания: قَطْرَةٌ – капля (вместо: قَطْرَةٌ) [НФ, с. 69]; هِجْرَةٌ – переселение (вместо: هِجْرَةٌ) [НФ, с. 26]. Показатель женского рода ة (ة) в произведении «Нахдж ал-Фарадис» видоизменился. Вместо та-марбу́та в памятнике пишется графема ت : سَاعَتٌ – час, часы [НФ, с. 233], رَغْبَتٌ – желание [НФ, с. 232], آيَتٌ – аят [НФ, с. 4]. В некоторых случаях та-марбу́та замещена графемой ه – расмия: جَنَازَةٌ – похоронная процессия [НФ, с. 5], تَوْبَةٌ – покаяние [НФ, с. 322]. В тексте также зафиксированы слова с вариативным написанием та-марбу́та: عِبَادَةٌ [НФ, с. 316] ~ عِبَادَتٌ [НФ, с. 232] – поклонение, служение; هَدِيَّةٌ [НФ, с. 24] ~ هَدِيَّتٌ [НФ, с. 32] – подарок. Эти примеры свидетельствуют об утрате функции грамматического рода.

Из категории состояния именных частей речи в памятнике сохранился лишь показатель определенного состояния (تَعْرِيفٌ) – ال в арабских устойчивых словосочетаниях и согласованных и несогласованных определениях (идафах): **әс-сәләму галәйкә** (ар. السَّلَامُ عَلَيْكَ) [НФ, с. 21]. – **Да пребудет над Вами мир; хәҗҗәрел-әсвәд** (ар. الْحَجَرُ الْأَسْوَدُ – «черный камень» (в Каабе)) [НФ, с. 228] – черный камень, **бәйтәлмәл** (ар. بَيْتُ الْمَالِ) [НФ, с. 96]. – **казна**.

Арабская категория неопределенного состояния (تَنْكِيرٌ) в тексте утратила грамматические значения. Определенный артикль ال также был заимствован

формально и, соответственно, в изучаемом памятнике не несет грамматической нагрузки.

Категория числа в арабском языке имеет три формы: единственное (مفرد), двойственное (تثنية) и множественное (جمع) число. В арабском языке единственное число выражено танвинными окончаниями, которые в произведении Махмуда ал-Булгари заменены на сукун, то есть арабская категория единственного числа в тюркском тексте грамматически не выражена: مُعَلِّمٌ – учитель [НФ, с. 330]; حَدِيثٌ – хадис [НФ, с. 3] تَجْرِبَةٌ – опыт, испытание [НФ, с. 129]. Арабская форма двойственного числа с показателем يَينَ зафиксирована лишь в составе изафетного словосочетания: Госманга «Зүннурайни» (от араб. ذُو التَّوَرَيْنِ «обладатель двойного света») тип айделәр [НФ, с. 21]. – Усмана называли **обладателем двойного света**. В остальных случаях двойственное число в арабизмах выражается лексически, числительным ике: Ул **ике хассийэт** нә торур [НФ, с. 240]? – *Каковы эти два качества?* **Ике саф** арасында [НФ, с. 55]. – *Между двумя рядами*.

Грамматический показатель правильного множественного числа мужского рода, имеющий окончание وَنْ – в тексте «Нахдж ал-Фарадис» с точки зрения арабской грамматики утратил значение множественности и был замещен на тюрко-татарское –лар / –ләр: **кафферлардин** (ар. كَافِرٌ – «неверующий» + ләр вместо: كَافِرُونَ) [НФ, с. 75] – *из неверующих*; **хаварилар** (ар. حَوَارِيٍّ – «апостол, ученик» + ләр вместо: حَوَارِيُونَ) [НФ, с. 329] – *апостолы*; **мосафирлар** (ар. مُسَافِرٌ – «путешествующий, путешественник» + ләр вместо: مُسَافِرُونَ) [НФ, с. 210]. – *путешественники*.

Что касается именных частей правильного множественного числа женского рода с окончанием اَتْ, таких как **салават** (от араб. صَلَوَاتٌ – «молитвы, мольбы, благославения») [НФ, с. 21] – *молитвы*, **могжизат** (от араб. مُعْجَزَاتٌ – «чудеса») [НФ, с. 46]. – *чудеса*, то в тексте «Нахдж ал-Фарадис» окончание اَتْ не всегда несет смысловую нагрузку множественности. Наблюдаем вариативное написание с тюрко-татарским окончанием –лар / –ләр: **гокубат** (от араб. عُقُوبَاتٌ – «наказания, кара») [НФ, с. 30] ~ **гокубатлар** (от араб. عُقُوبَاتٌ – «наказания, возмездия» + ләр).

Именные части речи в ломаном множественном числе в памятнике «Нахдж ал-Фарадис» ведут себя двояко: небольшая их часть сохранила смысл множественности – **фукара** (от араб. فَقَرَاءٌ – «бедняки, нуждающиеся»), **мәсәкин** (от араб. مَسَاكِينٌ – «несчастные, жалкие»): Мәэмин тәкый мең алтун чыгарды, тәкый **фукара** вә **мәсәкингә** өләште [НФ, с. 360]. – *Верующий вынул тысячу золотых и раздал бедным и несчастным*. – **холәфә** (от араб. خُلَفَاءٌ – «халифы»), **әфгаль** (от أفعالٌ – «действия, дела, поступки»), **голәмә** (от араб. عُلَمَاءٌ – «ученые, знатоки»), **әхвәл** (от араб. أَحْوَالٌ – «обстоятельство, случай, дело»): Тәкый **холәфәи** рашидин **әфгаледин** **голәмә** вә шәйехләр **әхвәлен** жәмигъ кылдык [НФ, с. 17]. – *Мы собрали из дел халифов праведного пути, ученых и шейхов* и др.

Большая часть арабских именных частей в ломаном множественном числе утратила смысл множественности и получила тюрко-татарские окончания множественного числа –лар / –ләр, что свидетельствует о полной их адаптации к нормам татарского языка: – **әййәм** (от араб. أَيَّامٌ – «дни, сутки»): Бер кач **әййәмләр** кичте [НФ, с. 25]. – *Прошло несколько дней*. – **әгъда** (от араб. أَعْضَاءٌ – «органы, члены»):

Ул килеп, пайгамбәрнең **эгъдаларын** басар ирде [НФ, с. 45]. – *Она приходила и массировала части тела пророка, мир ему.*

Исследование арабской категории падежа в именных частях речи в тексте «Нахдж ал-Фарадис» показало, что они сохранились формально в арабских устойчивых словосочетаниях, согласованных и несогласованных определениях (идафах), например, арабский именительный падеж: – *алхәмдулиЛләһи* (ар. الحمد لله): «**ӘлхәмдулиЛләһи!**» [НФ, с. 21]. – *Слава Аллаху! – Халилур-Рахмән* (от араб. خليل الرحمن – «друг, приятель Милосердного», *эпитет пророка Ибрагима*)» [НФ, с. 373] – **друг, приятель Милосердного**. Арабский родительный падеж сохранился в единичных примерах: *Аллаһуммә салли галә сәйидина Мөхәммәдин вә әлиһи әжмәғийн* (от араб. اللهم صلى على سيدنا محمد وآله أجمعين) [НФ, с. 23]. – «*О Аллах, благослави нашего пророка Мухаммада и всю его семью*». Арабский винительный падеж зафиксирован в идафах после звательной частицы يا: «*Йә расулАллаһи*» (от араб. يا رسول الله) [НФ, с. 227]. – «**О, пророк Аллах**, «Йә Әбә-Хәсән!» (от араб. يا أبا الحسن) [НФ, с. 227]. – «**Эй, Абу-Хасан!**» и др.

В большинстве случаев арабизмы принимают тюрко-татарские грамматические показатели, склоняются по падежам: *сәәлнең* [НФ, с. 160] – вопроса, *Әбүга* [НФ, с. 143] – отцу; *хәдисне* [НФ, с. 20] – хадис, *ганбәрдин* [НФ, с. 143] – из амбры, *суфрасында* [НФ, с. 106] – на его обеденном столе. Кроме того, арабские именные части речи переняли тюрко-татарскую категорию принадлежности, которая не присуща арабскому языку: *гаммым* [НФ, с. 22] – мой дядя, *гасаңны* [НФ, с. 77] – твою палку, *хәлләсе* [НФ, с. 234] – его одеяние, *кофеле* [НФ, с. 102] – его замок, *вәлидәмез* [НФ, с. 145] – наша мать, *мифрәшләре* [НФ, с. 198] – их покрывала.

Выявлено, что заимствованные именные части речи в «Нахдж ал-Фарадис» приобрели тюрко-татарские грамматические показатели падежа, принадлежности, числа, арабские грамматические категории сохранились формально в устойчивых словосочетаниях.

Самую большую группу арабских заимствованных именных частей речи в «Нахдж ал-Фарадис» составляют **имена прилагательные**, состоящие из: квазипричастий (отглагольные прилагательные (الصفة المشبهة)); причастий действительного залога (имена действующего (اسم الفاعل)); причастий страдательного залога (имена подверженного (اسم المفعول)). Также нами рассмотрены арабские формы прилагательных сравнительной и превосходной степени.

Квазипричастия в памятнике встречаются в двух функциях – как прилагательные: *халис* (ар. خالص) [НФ, с. 193] – искренний, *хәләл* (ар. حلال) [НФ, с. 244] – дозволенный, *хәрам* (ар. حرام) [НФ, с. 246] и как существительные – *нәзыйр* (ар. نظير) [НФ, с. 194] – ровня, *гарим* (ар. غريم) [НФ, с. 173] – должник, *шәрик* (ар. شريك) [НФ, с. 192] – соучастник, *табиб* (ар. طبيب) [НФ, с. 113] – врач и др. Большая часть имен собственных арабского языка образована от квазипричастий: *Хәсән* (ар. حسن – «красивый, прекрасный») – прекрасный [НФ, с. 145]; *Хәсәен* (ар. حسين – (уменьшительное от حسن) – Хусейн [НФ, с. 145]; *Әхмәд* (ар. أحمد – «похвальный») – Ахмад [НФ, с. 170]; *Сәғыйд* (ар. سعيد – «счастливый») – Саид [НФ, с. 115].

В тексте зафиксированы арабские причастия обоих залогов. Причастия действительного залога, такие как *мөнәсиб* (ар. مناسب – «подходящий, соответствующий»

щий») [НФ, с. 17], *мохлис* (ар. مُخْلِصٌ – «искренний») [НФ, с. 233], *лайык* (ар. لَائِقٌ – «подходящий, достойный») [НФ, с. 120] функционируют в роли прилагательных. Другая их часть, например, *гамил* (ар. عَامِلٌ – «рабочий») [НФ, с. 131], *мөнәжжәсим* (ар. مُنَجِّمٌ – «астролог, звездочет») [НФ, с. 85] субстантивирована и выполняет роль существительных. В тексте причастия действительного залога вспомогательными глаголами: –*ит*, –*бул*, –*тор* образуют составные глаголы:– *гаиб* (ар. غَائِبٌ – «отсутствующий; скрытый, невидимый, исчезнувший» + *бул*): Тәкый күземдин **гаиб булды** [НФ, с. 24]. – *И исчез с моих глаз.*– *заһир* (ар. ظَاهِرٌ – «ясный, видимый, появившийся»+ *бул*): Навада Жәбраил йәнә **заһир булды** [НФ, с. 25]. – *На небе появился Джабраил.* – *хадыр* (от араб. حَاضِرٌ – «присутствующий, настоящий (о моменте), нынешний, готовый»): Хак Тәгалә **хадыр торыр**, иңемдә ике фәрештә хадыр торырлар» – тиде [НФ, с. 367]. – *Аллах и два ангела всегда присутствуют».*

Причастия страдательного залога в тексте употреблены активно, в функции прилагательных, например: *мәшһүр* (ар. مَشْهُورٌ – «известный, знаменитый») [НФ, с. 327] *мөбәрәк* (ар. مُبَارَكٌ – «благославленный») [НФ, с. 27], *мәжрух* (ар. مَجْرُوحٌ – «раненный») [НФ, с. 105] и существительных: *мөраббәгъ* (ар. مُرَبِّعٌ – «квадрат») [НФ, с. 69], *мөрсәл* (от араб. مُرْسَلٌ – «посланник») [НФ, с. 20].

Причастия страдательного залога при помощи вспомогательных глаголов: –*ит*, –*бул*, –*кыл*, –*тор* также участвуют в образовании составного глагола:– *мөстәжәб* (ар. مُسْتَجَابٌ – «принимающий, внимающий»): Хак Тәгалә догаңны **мөстәжәб кылды** [НФ, с. 77]. – *Аллах Всевышний принял твою молитву (букв. «сделал принятой»).*– *монкад* (ар. مُنْقَادٌ – «ведомый, покорный, послушный»): Ул ғаурәт мунларга **монкад булмады** [НФ, с. 307]. – *Та женицина не повиновалась им.*– *мөхәл* (ар. مُحَالٌ – «невозможный, абсурдный, недостижимый»): Бер кичә эчендә адәми мунча йирне сәйәр кылмак **мөхәл** торыр. [НФ, с. 99]. – *За одну ночь человек не может (букв. «невозможно») пройти такое расстояние».*

Арабские формы прилагательных сравнительной и превосходной степени, имеющие вазны أَفْعَلٌ [аф'лю] и أَفْعَلِي [фу'ля] соответственно, такие как *афдаль* (ар. أَفْضَلٌ – «самый достойный») [НФ, с. 194], *әгъләм* (ар. أَعْلَمُ – «всезнающий») [НФ, с. 260], *кубра* (ар. كُبْرَى – «самая большая») [НФ, с. 151-152] в произведении «Нахдж ал-Фарадис» встречаются редко. Основная часть арабских прилагательных принимает аффиксы сравнительной степени –*рак/ -рәк*: *газизрәк* (ар. غَزِيرٌ – «могущественный, дорогой» + *рәк*) [НФ, с. 60], *латыйфрак* (ар. لَطِيفٌ – «приветливый»+ *рак*) [НФ, с. 233], *фадылрак* (от араб. فَضِيلٌ – «достойный, превосходный»+ *рак*) [НФ, с. 367] и др.

Значительную часть именных частей речи в арабском языке составляют масдары. В произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари функционируют девять из десяти пород масдаров, наиболее используемых в арабском языке. Масдары IX породы в памятнике не зафиксированы. В тексте насчитывается двенадцать вазнов масдара I породы: *фә'ль*: *зәжәр* (от араб. زَجَرَ – «удерживание») [НФ, с. 252], *дәфен* (от араб. دَفَنٌ – «закапывание, погребение») [НФ, с. 102]; *фи'ль*: *кибер* (от араб. كَبَّرَ кибр – «высокомерие») [НФ, с. 312], *зикер* (от араб. ذَكَرَ – «помянуть Аллаха») [НФ, с. 26]; *фу'ль*: *госел* (от араб. غَسَلَ – «мытьё, рел. полное омовение») [НФ, с. 102], *шөкер* (от араб. شَكَرَ – «благодар-

ность») [НФ, с. 58]; **فَعَلَ** [фэ‘аль]: *гадаб* (от араб. **غَضَبَ** – «ярость, гнев») [НФ, с. 25], *кəрəм* (от араб. **كَرَمَ** – «щедрость, благородство») [НФ, с. 26]; **فَعَالَ** [фэ‘ааль]: *сəлəм* (от араб. **سَلَامَ** – «мир, безопасность») [НФ, с. 38], *талак* (от араб. **طَلَقَ** – «развод») [НФ, с. 115]; **فَعُولَ** [фэ‘ууль]: *кабул* (от араб. **قَبُولَ** – «принятие») [НФ, с. 26]; **فُعُولَ** [фу‘ууль]: *həжүм* (от араб. **هُجُومَ** – «нападение») [НФ, с. 40], *ружуг* (от араб. **رُجُوعَ** – «возвращение») [НФ, с. 172]; **فَعْلَةً** [фэ‘лэт]: *рəхмəт* (от араб. **رَحْمَةً** – «милосердие») [НФ, с. 28], *лəгьнəт* (от **لَعْنَةً** – «проклятие») [НФ, с. 28]; **فَعْلَةً** [фэ‘алэт]: *хəжəлəт* (от араб. **خَجَلَةً** – «стыд») [НФ, с. 250], *галəбə* (от араб. **غَلَبَةً** – «победа») [НФ, с. 28]; **فِعْلَةً** [фи‘лэт]: *хидмəт* (от араб. **خِدْمَةً** – «служба, услужение, работа, услуга») [НФ, с. 97], *кыйсмəт* (от араб. **قِسْمَةً** – «доля, участь») [НФ, с. 118]; **فُعْلَةً** [фу‘лэт]: *кодрəт* (от араб. **قُدْرَةً** – «могущество, мощь») [НФ, с. 48], *хотбə* (от араб. **خُطْبَةً** – «речь, проповедь») [НФ, с. 68]; **فُعُولَةً** [фу‘уулэт]: *хосумəт* (от араб. **خُصُومَةً** – «спор, вражда») [НФ, с. 163]; **فَعَالَةً** [фэ‘аалэт]: *шəфəгəть* (от араб. **شَفَاعَةً** – «заступничество») [НФ, с. 22], *канəгəть* (от араб. **قَنَاعَةً** – «довольство, удовлетворенность малым») [НФ, с. 163]; **فِعَالَةً** [фи‘аалэт]: *тижəрəт* (от араб. **تِجَارَةً** – «торговля») [НФ, с. 30], *гыйбəдəт* (от араб. **عِبَادَةً** – «поклонение») [НФ, с. 22]; **فُعْلَان** [фу‘лээн]: *корбан* (от араб. **قُرْبَانًا** – «жертва, приближение») [НФ, с. 48], *хусран* (от араб. **خُسْرَانًا** – «потеря, убыток») [НФ, с. 226]; **فَعْلَان** [фэ‘алээн]: *хəфəкəн* (от араб. **خَفَقَانًا** – «биение, волнение») [НФ, с. 101]; **فِعْلَان** [фи‘лээн]: *хыйзлəн* (от араб. **خِذْلَانًا** – «оставление без поддержки, поражение») [НФ, с. 193]; **مَفْعَلَةً** [мəф‘алэт]: *мəсхəрə* (от араб. **مَسْخَرَةً** – «насмешка») [НФ, с. 285], *маслəхəт* (от араб. **مَصْلَحَةً** – «выгода, интерес») [НФ, с. 113]; **مَفْعِلَةً** [мəф‘илэт]: *мəгьрифəт* (от араб. **مَعْرِفَةً** – «знание, просвящение») [НФ, с. 222] и др.

Зафиксированные масдары всех пород в тексте «Нахдж ал-Фарадис» функционируют как существительные – *рəхмəт* (от араб. **رَحْمَةً** – «милосердие, сострадание, милость» I порода), *лəгьнəт* (от **لَعْنَةً** – «проклятие» I порода): «Хак Тəгалə мине **рəхмəт** өчөн ызды, **лəгьнəт** өчөн ызмады» [НФ, с. 28]. – «Истинный Всевышний меня избрал для **милости**, а не для **проклятия**». – *тарих* (от араб. **تَارِيخًا** – «число, дата, история, летопись» – II порода): Андин соң Мəккəгə мөселманлар тижəрат **тарихы** берлə бардылар ирде [НФ, с. 55]. – *Потом, судя по летописи торговых дел, мусульмане пошли в Мекку. фирак* (от араб. **فِرَاقًا** – «разлука, расставание» – III порода): «**Фиракымга** иштиyakы галəбə кылса» [НФ, с. 180]. – «Если будет одолевать его тоска по мне из-за нашей **разлуки** с ним». – *ислам* (от араб. **إِسْلَامًا** – «ислам» – IV порода): Мəхəммəднəң бу каргамакы дин вə **ислам** өчөн ирде [НФ, с. 30]. – *Это проклятие Мухаммада было ради религии и ислама.* – *тəфəвəт* (от араб. **تَفَاوُتًا** – «различие, расхождение» – VI порода): «Сезнəң тəкый аның ара йир берлə күк арасындагыдин тəг **тəфəвəт** бар» [НФ, с. 162]. – «Между вами и им **различие** такое же, как между небом и землей». – *игьтимəд* (от араб. **إِعْتِمَادًا** – «вера, доверие») – VII порода): «Күңелəндə **игьтимəдəн** булса, Хак Тəгалə хадратында миндин артук булгайсун» [НФ, с. 319]. – «Если в твоей душе есть **вера**, ты лучшие меня перед Истинным Всевышним».

Все породы в тексте имеющих масдаров со вспомогательными глаголами – *кыл*, –*бул*, могут выступать как именные компоненты составного глагола – *госел* (от араб. **غُسْلًا** – «обмывание, рел. полное омовение» + *кыл* I – порода): «Йə Әбу Бəкер, имгəктин котылдың, арыг су берлə **госел кылдың**» [НФ, с. 102]. – «О, Абу

Бакр, ты избавился от беды, совершив омовение».— *тәжрибә* (от араб. *تَجْرِبَة* — «опыт, испытание, эксперимент»+ кыл— II порода): «Мин сезләрне **тәжрибә кылдым**» [НФ, с. 84]. — «Я *испытывал* вас». — *моталәга* (от араб. *مُطَالَعَة* — «чтение, изучение»+кыл—III порода): «Мин китаб **моталәга кылур** әрдим» [НФ, с. 195]. — Я *читал*.— *ижәзәт* (от араб. *إِجَازَة* — «разрешение, позволение»+ бәр—IV порода): «Шәмгә мәңә тәкый **ижәзәт бәрсәңез**, барсам, тижәрат кылсам!» [НФ, с. 30] —«*Разрешите* мне пойти в Сирию, чтобы поторговать!»— *тәгаййер* (от араб. *تَغْيِير* — «перемена, изменение»+бул— V порода): Качан кем намазга йүнәр булса ирде, йөзе саргарур әрди, рәнге **тәгаййер булыр** әрди [НФ, с. 203]. — Как только некто вставал на намаз, цвет его лица **менялся**, становился бледным.— *тәнәвәл* (от араб. *تَنَاوُل* — «получение, принятие»+кыл—VI порода): «Сезләр **тәнәвәл кылыңлар!**» [НФ, с. 38] — «Вы **кушайте!**»— *инкыйәд* (от араб. *اِئْتِيَاد* — «повиновение, подчинение»+кыл—VII порода): Әбу Бәкергә **инкыйәд кылмадылар** [НФ, с. 96]. — Они *не подчинились* Абу Бакру.— *икътидә* (от араб. *اِقْتِدَاء* — «подражание, следование примеру»+кыл— VIII порода): Качан кем Билал намаз укыды, пәйгамбәр имәмәтлек кылды, жөмлә сахәбәләр **икътидә кылдылар** [НФ, с. 50]. — В то время, как Билал читал намаз, а Пророк возглавил его (намаз), все **последовали их примеру**. — *истигъдәд* (от араб. *اِسْتِعْدَاد* — «подготовка, готовность»+кыл— X порода): «Чәрик **истигъдәде кылгыл!**» [НФ, с. 56] — «**Подготовь войско!**»

Арабские масдары в тексте «Нахдж ал-Фарадис», как существительные старотатарского языка, начинают изменяться по числам:*тәфзигъләр* (от араб. *تَفْزِيع* — «устрашение, запугивание»+ окончание мн. ч. -ләр) [НФ, с. 119] — устрашения, *тәшнигъләр* (от араб. *تَشْنِيع* — «поношение, бесчестие, брань, позор»+ окончание мн. ч. — ләр) [НФ, с. 119] — поношения; склоняться по падежам: *гадабыдин* (от араб. *غَضَب* — «ярость, гнев, злоба»+ падежное окончание — дин) [НФ, с. 25] — *от гнева, хидмәтенә* (от араб. *خِدْمَة* — «служба, услужение, работа»+ падежное окончание -нә) [НФ, с. 97] — на службу; могут иметь окончания принадлежности: *мәгъфиратын* (от араб. *مَغْفِرَة* — «прощение, отпущение грехов»+ окончание принадлежности -ын) [НФ, с. 86] —*Его прощение* и даже участвуют в словообразовании: *гажәпләндек* (от араб. *عَجَب* — «удивление, изумление»+ словообразовательный суффикс -лән) [НФ, с. 139] —*Мы удивились, рагъбәтләнде* (от араб. *رَغْبَة* — «желание»+ словообразовательный суффикс -лән) [НФ, с. 297] —*пожелал*.

Арабские имена места и времени действия, имя орудия, имена относительные, имена качества, а также имя единичности в тексте «Нахдж ал-Фарадис» отмечены в функции существительных: *мәширикъ* (от араб. *مَشْرِق* — «восход, восток; место, время восхода солнца»), *мәгъриб* (от араб. *مَغْرِب* — «запад; место, время заката»): **Мәширикъдин мәгърибкә** тәги максатлары дөнья файдасы торыр [НФ, с. 72]. — *С востока до запада* (то есть везде) их целью являются интересы брэнного мира. *Мисвәк* (от араб. *مِسْوَك* — «зубочистка»): әлгиндә **мисвәк** бар ирде [НФ, с. 91]. — В руках держал **зубочистку**. *Нурани* (от араб. *نورَانِي* — «светящийся, сияющий»), *золмани* (от *ظَلْمَانِي* — «темный, мрачный»): Ут **нурани** торыр, тупрак **золмани** торыр. [НФ, с. 232] — *Огонь — светлый, а почва — темная*. *Кабда* (от араб. *قَبْضَة* — «горсть, одна пригоршня; кабда (мера длины, равная 12,5 см»): «Бер **кабда** тупрак алгыл!» [НФ, с. 231] — «**Возьми горсть земли!**» и др.

Арабские именные части речи –масдары, имена места и времени действия, имя орудия, имена относительные, имена качества, а также имя единичности в памятнике «Нахдж ал-Фарадис» функционируют как существительные. Квази-причастия, причастия действительного и страдательного залога в тексте встречаются в двух функциях– как прилагательные и существительные. Кроме того, масдары, причастия действительного и страдательного залога выступают в тексте как именные компоненты татарского составного глагола.

Третья глава «Лексико-семантическая характеристика арабских заимствований в произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари» посвящена арабским заимствованиям, регистрируемым в тексте «Нахдж ал-Фарадис». В данной главе диссертации были выявлены следующие особенности: в средневековом памятнике «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари из 2273 лексических единиц (включающие 1127 – лексемы тюркского, 894 – арабского и 252 – персидского происхождения) на долю арабской лексики приходится 39%. Арабские лексемы представлены в основном в следующих лексико-семантических группах: мусульманская религиозная лексика, мусульманская правовая лексика, торгово-экономическая лексика, бытовая лексика, термины родства и свойства.

Наиболее употребляемыми являются арабские заимствования, относящиеся к *мусульманской религиозной лексике*. Например, имена Аллаха и Его эпитеты: *Хак* (ар. حَقٌّ) [НФ, с. 25] – Истинный, *Хак Тәгалә* (ар. حَقٌّ تَعَالَى) – Истинный Всевышний [НФ, с. 210], *Хак Тәбәракә вә Тәгалә* (ар. حَقٌّ تَبَارَكَ وَتَعَالَى) – Истинный, Благословенный и Всевышний [НФ, с. 312], *Рабб* (ар. رَبُّ) – Господь [НФ, с. 111], *Раббел Галәмин* (ар. رَبُّ الْعَالَمِينَ) – Господь миров [НФ, с. 18], *Раббел Гыйззә* (ар. رَبُّ الْعِزَّةِ) – Господь Всеславный [НФ, с. 264], *Раббел Газиз* (ар. الرَّبُّ الْعَزِيزُ) – Господь Могущественный [НФ, с. 265], *Илаһ* (ар. إِلَهٌ) – Бог [НФ, с. 23], *Әкрәмел Әкрәмин* (ар. أَكْرَمُ الْأَكْرَمِينَ) – Наищедрейший из наищедрейших [НФ, с. 366], *Әрхәмур Рахмин* (ар. أَرْحَمُ الرَّحِيمِينَ) – Милосерднейший из милосердных [НФ, с. 366], *Аллаһу Әгъләм* (ар. اللَّهُ أَعْلَمُ) – Аллах Всеведущий [НФ, с. 363], *Баари* (ар. بَارِئٌ) – Создатель [НФ, с. 363]. В памятнике «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари преобладает употребление тюркско-татарского термина *Тәңре* по сравнению с его арабскими синонимами. Лексемы, означающие восхваление Аллаха или служение Ему– *тәкбир* (ар. تَكْبِيرُ) [НФ, с. 64] – произнесение слов *الله أكبر*, *тәһлил* (ар. تَهْلِيلُ) [НФ, с. 64], *тәсбиһ* (ар. تَسْبِيحُ) – прославление [НФ, с. 64], *иман* (ар. إِيْمَانُ) – вера (в Аллаха) – [НФ, с. 24], *тәүбә* (ар. تَوْبَةٌ) – покаяние [НФ, с. 330], *хәмед вә сәнә* (ар. ثَنَاءٌ حَمْدٌ وَ) [НФ, с. 86] – хвала и восхваление, *тәүхид* (ар. تَوْحِيدُ) [НФ, с. 270], *гыйбәдәт* (ар. عِبَادَةٌ) – поклонение (Аллаху) [НФ, с. 64].

В произведении находят отражение лексемы, означающие пять столпов ислама– *тәшәһһүд* или *шәһәдәт* (ар. تَشَاهُدُ) [НФ, с. 68] или *шәһәдә* [НФ, с. 113] – «свидетельствование, произнесение слов исповедания веры: *لا إله إلا الله ومُحَمَّدٌ رَسُولُ الله* «нет Бога кроме Аллаха, Мухаммад пророк Его»», *әс-саләт* (ар. الصَّلَاةُ) [НФ, с. 141] – молитва, *зәкәт* (ар. زَكَاةُ) [НФ, с. 64] –ежегодное обязательное пожертвование, *хәҗ* (ар. حَجٌّ) [НФ, с. 161] –хадж. В значении «пост» в произведении употребляется персидское слово *руза* (ар. روزه) [НФ, с. 230]. Основная лексика, относящаяся к молитве арабская по происхождению. Например, *азан* (ар. أَذَانُ) – призыв на молитву [НФ, с. 42], *госел* (ар. غَسَلَ) [НФ, с. 44] – полное омовение, *тәһәрәт* (ар. طَهَارَةٌ) [НФ, с. 44] – омовение.

[НФ, с. 44] – омовение, *тайаммем* (ар. تَيْمُّمٌ) [НФ, с. 368] – омовение песком (при отсутствии воды), رُكْعَةٌ – *рәкәгать* – коленопреклонение [НФ, с. 26], سَجْدَةٌ – *сәждә* – падение ниц [5, с.27], تَهَجُّدٌ – *тәһәжжәд* [НФ, с. 82] – молитвенное бдение. Для обозначения понятия «омовение» автор использовал наряду с арабскими лексемами и персидское *абдәст*: «абдәст кылды» [НФ, с. 53], جَامِعٌ – *жәмиғ* [НФ, с. 201] и مَسْجِدٌ – *мәсжид* [НФ, с. 32]. مَنَارَةٌ – *манара* – минарет, مَنْبَرٌ – *минбар* – кафедра (в мечети) [НФ, с. 96], قِبْلَةٌ – *кыйбла* – сторона, направленная к Мекке, к которой мусульманин обращает свой лик во время молитвы, مِحْرَابٌ – *михраб* – ниша в мечети, указывающая направление к кибле [НФ, с. 96], سَجَادَةٌ – *сәжжәдә* – модельный коврик [НФ, с. 310]. В произведении зафиксированы также названия книг, которые согласно исламскому вероубеждению, были ниспосланы от Аллаха: تَوْرَةٌ – *Тәурат* (Тора) [НФ, с. 25], إِنْجِيلٌ – *Инжил* (Библия) [НФ, с. 83], زَبُورٌ – *Зәбур* (Псалмы, Псалтырь) [НФ, с. 27], الْقُرْآنُ – *әл-Коръән* (Коран) [НФ, с. 110]. В тексте имеется несколько эпитетов Корана, например: كَلَامُ اللَّهِ – *КәләмуЛлаһ* – речь Аллаха [НФ, с. 147], أَلْ-مُصْحَفُ – *әл-Мосхәф* – свиток [НФ, с. 124], كَلَامُ الْمَجِيدِ – *Кәләмел-мәжид* – Славная речь [НФ, с. 193], أَلْ-فُرْقَانُ – *әл-Фуркан* – Различение (добра и зла) [НФ, с. 82], который можно трактовать как «Коран», так и «Библия». Также автором использованы лексемы, относящиеся к Корану: آيَةٌ – *айәт-аят* [НФ, с. 22], سُورَةٌ – *сүрә-сура* [НФ, с. 143], نَزْلٌ – *нәзил* – ниспосланный, *нәзил булмак* (о Коране) – быть ниспосланным [НФ, с. 21]. Махмуд ал-Булгари в своем труде обозначает даты и события по мусульманскому календарю – *хиджре* (ар. هَجْرَةٌ) [НФ, с. 38]: سَافَرٌ (ар. صَفَرٌ) [НФ, с. 87] – сафар, *рабигел* – *әүвәл* (ар. ربيع الأول) [НФ, с. 21] – *раби-аль-ауваль*, *зөлхижжә* (ар. ذُو الْحِجَّةِ) [НФ, с. 124] – *зульхиджа*, *рамадан* (ар. رَمَضَانُ) [НФ, с. 137] – *рамадан*, *жәмадал-үүлә* (ар. جُمَادَى الْأُولَى) [НФ, с. 378] – *джумада первый*, *жәмадал-ахыйр* (ар. جُمَادَى الْآخِرِ) [НФ, с. 101] – *джумада последний*, *ражәб* (ар. رَجَبٌ) [НФ, с. 22] – *раджаб*, *жәомга* (ар. جُمُعَةٌ – «неделя, пятница») [НФ, с. 22] – *пятница*, *гайед* (ар. عِيدٌ «праздник, празднество») [НФ, с. 106] – *праздник*, *сәгать* (ар. سَاعَةٌ – «час, часы») [НФ, с. 139] – *час*; *йәум* (ар. يَوْمٌ «день») – *день* [НФ, с. 25]. В тексте зафиксированы лексемы, означающие понятия «загробного мира», к примеру: الْآخِرَةُ – *Ахирәт* (Ахират) – загробный мир [НФ, с. 23], его эпитет – دَارُ الْبَقَاءِ – *дарел-бәка* – «дом вечного пребывания» [НФ, с. 87]. В изучаемом тексте частотно функционирование слова тюркского происхождения *оҗмах* – *рай* [НФ, с. 69], но встречается и его арабский синоним جَنَّةٌ. Названия уровней рая – عَدْنٌ – *Гаден* (соответствует библейскому Эдему) [НФ, с. 367]; فِرْدَوْسٌ – *Фирдәвес* [НФ, с. 223]. Наименования райских источников: كَوْتَرٌ – *Кәүсәр* (Каусар) [НФ, с. 68] и سَلْسَبِيلٌ – *Сәлсәбил* (Сальсабиль). Слово «ад» в произведении встречается как в персидском варианте تَمُوغٌ – *тамуг* [НФ, с. 29], так и в арабском جَهَنَّمَ – *жәһәннам* [НФ, с. 29]; один из уровней ада – سَجِّينٌ – *Сиҗжәжин* (Сиджин). لَوْحٌ – *Ләүхелмахфуз* (ар. اللوح المحفوظ – «храняемая (Аллахом) доска») [НФ, с. 68] – *скрижаль*, где по исламскому вероучению хранятся судьбы всех людей, написанные Аллахом. سِدْرَةُ الْمُنْتَهَى – *Сидрәтел мөнтәһә* [НФ, с. 63] – *Лотос крайнего предела* – гигантское дерево загробного мира, растущее корнями вверх и являющееся крайней точкой загробного мира. عَرَصَاتٌ – *Гарасат* (Арасат) [НФ, с. 356] – согласно исламскому мировоззрению, площадь, на которой в Судный день соберутся все люди, когда-либо жившие на земле для получения воздаяния от Аллаха за свои дела. *Кыйәмәт* (ар.

قيامَة – «вставание») – Воскресение, день Страшного Суда [НФ, с. 115]. *Мизан* (ар. مِيزَان – «весы») – весы, на которых в день Страшного Суда будут взвешиваться дела людей [НФ, с. 197]. *Сыйрат* (ар. صِرَاط – «рел.: прямая дорога, путь») [НФ, с. 193] – «прямой путь», благославленный Аллахом. *Гыйллиин* (ар. عَلَيْن [НФ, с. 341] – «место в загробном мире, где хранятся хорошие дела людей». Названия мифических мест загробного мира и по сей день используются в речи современных татарских мусульман и религиозно-дидактической литературе.

Значение “ангел” в произведении передано арабским наименованием *маләк* (ар. مَلَك – «ангел») [НФ, с. 221] и его персидским синонимом *фәрештә* [НФ, с. 232]. В памятнике зафиксированы имена следующих ангелов: *Жәбраил* (جَبْرَائِيل) [НФ, с. 60] – Гавриил, *Микаил* (مِيكَائِيل) [НФ, с. 60] – Михаил, *Исрафил* (إِسْرَافِيل) [НФ, с. 89] – Сарафил, *Газраил* (غَزْرَائِيل) [НФ, с. 90] – Азраил (ангел смерти). Эпитет Азраиля – *мәләкүлмәүт* (от араб. مَلَكُ الْمَوْتِ) [НФ, с. 90], что в переводе с арабского означает «ангел смерти». Имена падших ангелов, не выдержавших испытания Аллаха и погрязших в колдовских делах – *Һәрут* и *Мәрут* (от араб. هَارُوت وماروت) [НФ, с. 309]. По исламскому вероубеждению, до грехопадения они носили имена *Газә* и *Газәйә* (от араб. غَزَا وَغَزَايَةُ) [НФ, с. 309]. Также в произведении встречаются имена сатаны до и после его изгнания из рая – *Газәзил* (от араб. غَزَازِيل) [НФ, с. 307] – Азәзель и *Иблис* (от араб. إبليس – «отчаявшийся») [НФ, с. 309]. Есть еще ангелы, имена которых упоминаются в хадисах: *Мәнкир* вә *Накир* (от араб. مُنْكَر وَنَكِير) – Мункир и Накир – ангелы, по исламскому вероубеждению, допрашивающие покойников после смерти. Упоминаются и *зөбәнийә* (от араб. زُبَانِيَّة) [НФ, с. 156] – ангелы, подвергающие пыткам грешников в аду. Для обозначения слова пророк в тексте использовано как персидское слово *пәйгамбәр* [НФ, с. 76], так и арабские *нәби* (от نَبِيّ – «пророк»). В «Нахдж ал-Фарадис» были упомянуты имена следующих пророков: *Ада́м* (أَدَمُ) [НФ, с. 60] – Адам, *Нух* (نُوح) [НФ, с. 48] – Ной, *Йәгъкуб* (يَعْقُوب) [НФ, с. 110] – Яков, *Шәгайб* (شُعَيْب) [НФ, с. 109] – Иофор, *Муса* (مُوسَى) [НФ, с. 61] – Моисей, *Дәуд* (دَاوُد) [НФ, с. 70] – Давид, *Сәләйман* (سُلَيْمَان) [НФ, с. 331] – Соломон, *Гайсә* (عِيسَى) [НФ, с. 329] – Иисус, *Йәхйә* (يَحْيَى) [НФ, с. 61] – Иоанн, *Исхак* (إِسْحَاق) [НФ, с. 146] – Исаак, *Исмәгыйль* (إِسْمَاعِيل) [НФ, с. 49] – Исмаил, *Әйүб* (أَيُّوب) [НФ, с. 275] – Иов, *Йосыф* (يُوسُف) [НФ, с. 61] – Иосиф, *Ибраһим* (إِبْرَاهِيم) [НФ, с. 49] – Авраам. Эпитеты Авраама – *ХалилуЛлаһ* (ар. خليل الله – «друг, приятель Аллаха») [НФ, с. 216] и *Халилуррахмән* (от араб. خليل الرحمان – «друг, приятель Милосердного») [НФ, с. 373]. Имя пророка Мухаммада, صلى الله عليه وسلم, в рукописи обычно заменяет его эпитет *РасулуЛлаһи* (رسول الله) [НФ, с. 62] – «посланник Аллаха». Имя *Мөхәммәд* (ар. مُحَمَّد) [НФ, с. 27] – Мухаммад встречается крайне редко. Имена пророков в тексте употребляются с восхваляющим эпитетом *галәйһиссәләм* (عليه السلام – «да будет ему мир от Аллаха»), а после имени пророка Мухаммада эпитет *салләЛлаһу галәйһи вә сәлләм* – صلى الله عليه وسلم – «да благославит его Аллах и приветствует». Слово апостол в произведении тоже арабского происхождения – *хәвари* (ар. حَوَارِيّ) [НФ, 334]. Арабская заимствованная мусульманская религиозная лексика занимает особое положение в тюрко-татарском литературном языке. После принятия ислама она активно использовалась татарским народом. Зафиксированная в тексте мусульманская религиозная лексика функционирует и в современной религиозно-дидактической литературе.

Мусульманская правовая лексика. Принятие ислама как государственной религии в Волжской Булгарии повлекло за собой и установление мусульманского права (шариата) и исламских институтов власти. При описании функционирования правовой лексики в памятнике «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари нами выделены следующие тематические группы: общая правовая лексика–хөкем (ар. *حُكْم* – «решение, приговор») [НФ, с. 135], *ахкәм* (ар. *أحكام* – «нормы») [НФ, с. 158], *фикыһ* (ар. *فِقْه* – «мусульманское право») [НФ, с. 75], *фәкыйһ* (ар. *فَقِيْه* – «знаток мусульманского права, юрист») [НФ, с. 195], *кадый* (ар. *قَاضٍ* – «арест») [НФ, с. 216], *фәтвә* (ар. *فَتْوَة* – «фетва (решение, заключение муфтия)») [НФ, с. 162], *вәкил* (ар. *وَكِيْل* – «уполномоченный, агент») [НФ, с. 172], *солых* (ар. *صُلْح* – «примирение») [НФ, с. 54], *солыхнамә* (ар. *صُلْح* – «мир, примирение»+ перс. окончание *намә*) [НФ, с. 54], *гаһед* (ар. *عَهْد* – «договор»), *бәйгатъ* (ар. *بَيْعَة* «присяга») [НФ, с. 38], *шикәйәт* (ар. *شِكَايَة* – «жалоба») [НФ, с. 122], названия преступлений: *жәрем* (ар. *جُرْم* – «преступление») [НФ, с. 270], *риба* (ар. *رِبَاء* – «взяточничество, ростовщичество») [НФ, с. 67], *ришвәт* (ар. *رِشْوَة* – «взятка, подкуп») [НФ, с. 135], *зина* (ар. *زِنَاء* – «прелюбодеяние») [НФ, с. 182]; лексика, обозначающая искупления за совершенные грехи и проступки: *дийәт* (ар. *دِيَة* – «выкуп за убитого») [НФ, с. 160], *кәффәрат* (ар. *كَفَّارَة* – «милостыня или пост в качестве искупления за прегрешение») [НФ, с. 201], *жизийә* (ар. *جَزِيَة* – «налог с немусульман, за то, что проживают на территории мусульман, не приняв ислама») [НФ, с. 281]; лексика, связанная с бракосочетанием и разводом – *никах* (ар. *نِكَاح* – «брак») [НФ, с. 154], *мәһер* (ар. *مَهْر* – «калым») [НФ, с. 233], *талак* (ар. *طَلَاَق* – «развод») [НФ, с. 115], *гыйддәт* (ар. *عِدَّة* – «период, в течение которого женщина после смерти мужа или развода не имеет права выходить замуж») [НФ, с. 156]; лексика, связанная с правом наследия – *варис* (ар. *وَارِث* – «наследник») [НФ, с. 249], *мирас* (ар. *مِيرَاث* – «наследство») [НФ, с. 173], *васыйәт* (ар. *وَصِيَّة* – «завещание») [НФ, с. 104], *васый* (ар. *وَاصِي* – «завещатель») [НФ, с. 84]; лексика, связанная с имущественным правом – *мөлк* (ар. *مُلْك* – «собственность») [НФ, с. 52], *ганимәт* (ар. *غَنِيْمَة* – «трофей») [НФ, с. 79], *әмәнәт* (ар. *أَمَانَة* – «вещь, отдаваемая на хранение») [НФ, с. 79].

Из 30 лексем мусульманской правовой лексики 17 памятника–такие, как *мирас*, *варис*, *никах*, *ришвәт*, *никах хөкем* и.т.д., используются и в современном татарском языке. Другая часть, лексем, такие как *жизийә*, *ганимәт*, *бәйгат*, *солых*, и.т.д. устарев, перешла в пласт архаизмов. Большинство слов арабской лексики, связанная с бракосочетанием и разводом, зафиксированная в произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари и по сей день используется в обиходе татарских мусульман как дань исламским традициям.

Торгово-экономическая лексика. Торгово-экономические отношения в мусульманских государствах регулировались шариатом – мусульманским правом. В произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари наряду с богатой тюркской лексикой, относящийся к торговле и экономике также зафиксированы лексеммы арабского происхождения: *тижәрат* (ар. *تِجَارَة* – «торговля») [НФ, с. 193], *бәйг*, *шира* (ар. *بَيْع* – «продажа, торг» и *شِرَاء* – «купля, покупка») [НФ, с. 193], *кәсеб* (ар. *كَسْب* – «прибыль, заработок») [НФ, с. 177], *сәмән* (ар. *ثَمَن* – «цена») [НФ, с. 344], *гарим* (ар. *غَرِيْم* – «кредитор») [НФ, с. 173], *бәйтелмал* (ар. *بَيْتُ الْمَال* – «казна») [НФ, с. 96], *өжрә* (ар. *أَجْرَة* – «плата, заработная плата») [НФ, с. 164], *бахышии*

(ар. *بَخْشِيشْ* – «бахшиш, чаевые, подарок») [НФ, с. 57], *мөәжжәл* (ар. *مُأَجَّلٌ* – «в рас-срочку») [НФ, с. 369], *мыскал* (ар. *مِثْقَالٌ* – «мера веса, равная 24 каратам или 4,68 г») [НФ, с. 337], *дахел* (ар. *دَخَلَ* – «доход») [НФ, с. 158], *харыж* (ар. *خَرْجٌ* – «расход») [НФ, с. 158], *сарыф* (ар. *صَرَفٌ* – «размен; расходование») [НФ, с. 335]. Для передачи понятия «деньги», в тексте наряду с тюркским *акча* [НФ, с. 152] использованы и арабские названия–*накыд* (ар. *نَقْدٌ* – «наличные деньги, валюта») [НФ, с. 212], *мәбләгъ* (ар. *مَبْلَغٌ* – «денежная сумма») [НФ, с. 195] и *мал* (ар. *مَالٌ* – «имущество, деньги, капитал») [НФ, с. 195]. Для выражения понятия «долг» в произведении употреблены лексемы арабского происхождения *гарийәт* (ар. *عَارِيَةٌ* – «долг») [НФ, с. 185] и тюркского *бурыч* [НФ, с. 113].

В памятнике зафиксированы двадцать две лексемы исконно арабского происхождения, относящиеся к торговле и экономике. Большая их часть представляет пласт архаизмов татарского языка, некоторые лексемы типа *сарыф* и *кәсеб*, *мал* активно используются в современном татарском языке.

Бытовая лексика. В материальной культуре любого народа важное место занимают названия предметов быта, пищи, одежды и украшений. Бытовая лексика тюркского происхождения памятника «Нахдж ал-Фарадис» исследована в трудах Ф.Ш.Нуриевой¹. Арабская бытовая лексика произведения нами анализировалась в следующих тематических группах: названия предметов быта – *кадах* (ар. *قَدَحٌ* – «кубок, бокал») [НФ, с. 63], *табак* (ар. *طَبَقٌ* – «тарелка, блюдо, крышка») [НФ, с. 90], *нисәр* (ар. *نِثَارٌ* – «разбрасываемые на празднествах конфеты; конфетти») [НФ, с. 90], *ибрикъ* (ар. *إِبْرِيْقٌ* – «кувшин, чайник») [НФ, с. 68], *далви* (ар. *دَلْوٌ* – «ведро») [НФ, с. 109], *зәнбил* (ар. *زَنْبِيلٌ* – «большая корзина») [НФ, с. 177], *гаса* (ар. *عَصَا* – «палка, трость, посох») [НФ, с. 77], *кофел* (ар. *قُفْلٌ* – «висячий замок») [НФ, с. 102], *зәнжир* (ар. *زَنْجِيرٌ* – «цепь») [НФ, с. 132], *лиф* (ар. *لَيْفٌ* – «волокно») [НФ, с. 141], *сандык* (ар. *صُنْدُوقٌ* – «сундук, ящик») [НФ, с. 155], *хукка* (ар. *حُقَّةٌ* – «коробка, шкатулка») [НФ, с. 155], *кәрси* (ар. *كُرْسِيٌّ* – «стул, кресло, трон») [НФ, с. 176], *мисвәк* (ар. *مِسْوَكٌ* – «зубочистка») [НФ, с. 91], *муфрәш* (ар. *مُفْرَشٌ* – «покрывало») [НФ, с. 198]; названия одежды и украшений – *гаурәт* (ар. *عَوْرَةٌ* – «части тела, за-претные для показа») [НФ, с. 188], *хәллә* (от ар. *حُلَّةٌ* – «одеяние») [НФ, с. 234], *рида* (ар. *رِدَاءٌ* – «плащ, одежда») [НФ, с. 55], *дуррага* (ар. *دُرَاعَةٌ* – «верхняя одежда») [НФ, с. 205], *бурди* (ар. *بُرْدِيٌّ* – «верхнее платье в полоску, плащ») [НФ, с. 95], *габайә* (ар. *عَبَايَةٌ* – «черный плащ») [НФ, с. 206], *изар* (ар. *إِزَارٌ* – «изар (полотно, ко-торым мужчины обвязывают свое тело во время совершения обрядов хаджа») [НФ, с. 188], *гыймәмә* (от араб. *عِمَامَةٌ* – «чалма») [НФ, с. 143], *таж* (ар. *تَاجٌ* – «ко-рона, венец») [НФ, с. 143], *гусаба* (ар. *عِصَابَةٌ* – «повязка на голову») [НФ, с. 88], *суф* (ар. *صُوفٌ* – «шерсть») [НФ, с. 104], *кәттән* (ар. *كَتَانٌ* – «лен») [НФ, с. 186], *нагыль* (ар. *نَعْلٌ* – «сандалия, обувь, подкова, подошва») [НФ, с. 189], *таук* (ар. *طَوْقٌ* – «ожерелье») [НФ, с. 232], *зәннар* (ар. *زَنْنَارٌ* – «пояс, ремень») [НФ, с. 271], *жәәһәр* (ар. *جَوْهَرٌ* – «драгоценности») [НФ, с. 181], *йакут* (ар. *يَاقُوتٌ* – «корунд, яхонт») [НФ, с. 69], *зөбәржәт* (ар. *زَبَرْجَدٌ* – «хризолит») [НФ, с. 69], *зөмөртөд* (ар. *زُمرُودٌ* – «изумруд») [НФ, с. 257], *ганбәр* (ар. *عَنْبَرٌ* – «амбра») [НФ, с. 143], *зәгъфәран*

¹ Нуриева Ф.Ш. Исследование языка памятника XIV в. «Нахдж ал- Фарадис»: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.06 / Нуриева Фануза Шакуровна. – Казань, 1993. – С. 121–123.

(ар. زَعْفَرَان – «шафран») [НФ, с. 143], *кафур* (ар. كَافُور – «камфара») [НФ, с. 143]; названия пищи – *тагам* (ар. طَعَام – «пища, еда») [НФ, с. 132], *гыйда* (ар. غِذَاء – «пища, питание, еда») [НФ, с. 132], *ризык* (ар. رِزْق – «пропитание, средства к существованию») [НФ, с. 63]; *ширбат* (ар. شَرِبَات – «сладкий напиток, сироп») [НФ, с. 99], *гасал* (ар. عَسَل – «мед») [НФ, с. 63], *хамер* (ар. خَمْر – «вино, спиртное») [НФ, с. 292], *хамим* (ар. حَمِيم – «горячая вода; пот») [НФ, с. 305], *шурба* (ар. شُرْبَة – «суп, микстура. глоток») [НФ, с. 163], *хамир* (ар. خَمِير – «дрожжевое тесто») [НФ, с. 184], *зэйт* (ар. زَيْت – «масло растительное») [НФ, с. 211], *кабб* (ар. كَبَاب – «кебаб, шашлык»); лексика, обозначающая части тела и состояние человека – для передачи понятия «здоровье» Махмуд ал-Булгари использовал арабскую лексему عَافِيَة [НФ, с. 334]. Для выражения понятия «болезнь, недомогание» в тексте употреблены арабские лексема عِلَّة [НФ, с. 275] и ثَقَل [НФ, с. 70], с добавлением к последней татарского словообразующего суффикса – лык (–лек). В памятнике зафиксированы следующие арабские соматизмы: *эгъда* (ар. أَعْضَاء – «органы, члены») [НФ, с. 45], *кадам* (ар. قَدَم – «ступня») [НФ, с. 309], *димаг* (ар. دِمَاع – «головной мозг, голова») [НФ, с. 72], *рахым* (ар. رَحِم – «матка») [НФ, с. 196], *мигъда* (ар. مِعْدَة – «желудок») [НФ, с. 248], *фарез* (ар. فَرْج – «щель; половые органы») [НФ, с. 290]. Другие арабские лексемы, использованные для выражения «состояние человека»: *жэрахат* (ар. جِرَاحَة – «рана») [НФ, с. 113], *набыд* (ар. نَبْض – «пульс») [НФ, с. 195], *гарак* (ар. عَرَق – «пот») [НФ, с. 354], *сакэрат* (ар. سَكْرَة – «опьянение, агония») [НФ, с. 377], *хижэмет* (ар. حِجَامَة – «кровопускание») [НФ, с. 45], *сыйхат* (ар. صِحَة – «здоровье») [НФ, с. 45], *жэзам* (ар. جُذَام – «проказа») [НФ, с. 330], *катарат* (ар. قَطَرَات – «капли») [НФ, с. 73], *габарат* (ар. عَبْرَات – «слезы») [НФ, с. 310]; лексика, обозначающая жилье и подворные постройки – *бина* (ар. بِنَاء – «строительство, постройка») [НФ, с. 181], *кальга* (ар. قَلْعَة – «крепость») [НФ, с. 126], *хисар* (ар. حِصَار – «цитадель») [НФ, с. 126], *саумэга* (ар. صَوْمَعَة – «келья») [НФ, с. 30], *хаймэ* (ар. خَيْمَة – «палатка») [НФ, с. 35], *кубба* (ар. قُبَّة – «свод, купол») [НФ, с. 68], *көшек* (ар. كُشْك – «беседка») [НФ, с. 62], *хөжрэ* (ар. حُجْرَة – «комната») [НФ, с. 118], *сакф* (ар. سَقْف – «крыша, потолок») [НФ, с. 368], *мораббэгъ* (ар. مُرَبَّع – «квадрат») [НФ, с. 69], *гарш* (ар. عَرْش – «трон, престол Аллаха, который, по исламскому мировоззрению, объемлет огромные пространства») [НФ, с. 48], *накыш* (ар. نَقِش – «украшение, резная надпись») [НФ, с. 197], *хижэб* (ар. حِجَاب – «покрывало, ширма») [НФ, с. 182], *бостан* (ар. بُسْتَان – «сад») [НФ, с. 69], *рауда* (ар. رَوْضَة – «сад») [НФ, с. 103], *хауд* (ар. حَوْض – «бассейн, водоем») [НФ, с. 68], *гар* (ар. غَار – «пещера») [НФ, с. 23]; лексика, обозначающая амуници: *зэмэм* (ар. زِمَام – «повод, недоуздок, ремень») [НФ, с. 37], *гыйнэн* (ар. عِنَان – «повод, узда») [НФ, с. 375], *дирра* (ар. دِرَّة – «плеть») [НФ, с. 104], *гашийя* (ар. غَاشِيَّة – «покрывало, чепрак») [НФ, с. 170].

Из 88 арабских лексем, относящихся к бытовой лексике произведения, в современном татарском языке используется: *табак, сандык, таж, гаурэт, изар, кэттан, гәүһәр, якут, зөммәррэд, зәгъфәран, ризык, ифтар, ширбат, хамер, шурба, эгъза, жэрахат, бина, накыш, хижаб, гар и др..* Большая их часть входит в пласт архаизмов татарского языка. В подавляющем большинстве случаев арабские заимствования в произведении использованы в качестве синонимов к тюркским словам или же они составляют экзотическую подгруппу.

Терминология родства и свойства памятника составляет древнейший пласт лексики и представляет основной словарный запас тюрко-татарского языка. Как показывает собранный нами материал, арабские термины родства и свойства в произведении употреблены как синонимы к тюркским словам и малочастотны.

В арабском литературном языке термин «отец» передается словом «أَبٌ» (эб). В «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари эта лексема самостоятельно встречается лишь единожды: *Әбуға* [НФ, с. 143]. Она, в основном, зафиксирована в именах собственных, которые представляют собой изафетные сочетания: *Әбу Бәкер* (ар. «أَبُو بَكْرٍ» – отец Бакра) [НФ, с. 35], *Әбу Хәнифә* (ар. «أَبُو حَنِيفَةَ» – отец Ханифы) [НФ, с. 53] и не несет смысловой нагрузки 'отец', а всего лишь является компонентом имени.

В значении «мать» в произведении часто употребляется слово *ана* (162 раза), реже – его арабский синоним *вәлидә* (от «وَالِدَةٌ» – «рождающая; мать» – 11 раз): *Пәйгамбәр алты йәшкә йитмеш ирде кем анасы Әминә вафат булды* [НФ, с. 21]. – *Когда пророку исполнилось шесть лет, умерла его мать Амина*. Андин соң йудылар, пәйгамбәр галәйһи әс-сәләмнең гаммы Габбас катында тәкый **вәлидәсе** катында дәфен кылдылар [НФ, с. 153]. – *После этого омыли, похоронили рядом с дядей Аббасом и матерью Фатимой*. «**Вәлидәме**з эвдәме?» [НФ, с. 145] – «*Наша мать дома?*»

Арабская лексема «أُمٌّ» (умм) – мать сохранилась лишь как компонент в именах собственных, представленных изафетными сочетаниями: *Өмми Бәшәр* (от араб. «أُمُّ بَشَرَ» – мать Башара) – Умм Башар [НФ, с. 45], *Өмми Жәмил* (от араб. «أُمُّ جَمِيلٍ» – мать Джамиля) – Умм Джамиль [НФ, с. 305]. Слово «أُمٌّ» в «Нахдж ал-Фарадис» употребляется и в метафорическом значении, в изафетном сочетании «أُمُّ الْمُؤْمِنِينَ» – мать правоверных, для возвеличивания жены пророка Мухаммада, صَلَّى اللهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ, Аишы: *Катында Өмми Зар бар иде, ул әйде: «Йә Өммел-мәэминин» – тиде* [НФ, с. 211]. – *Рядом была Умми Зар, она сказала (Аише): «О, мать правоверных»*.

В памятнике, наряду с общетюркскими *углы и кыз*, малочастотно используются и их синонимы арабского происхождения *ибн* (ар. «ابْنٌ» – сын) [НФ, с. 45], *бинт* (ар. «بِنْتُ» – дочь) [НФ, с. 21] и *гайәл* (ар. «غَيْلٌ» – ребенок, девочка) [НФ, с. 199], причем лексема *ибн* только в составе имен собственных: *Шакики Бәлхинең гайәле бар әрди Әминә атлыг* [НФ, с. 199]. – *У Шакики Балхи была дочь по имени Амина*. Тәкый дүрт **бинтнең** бере Зәйнәб, Рокыйя, Өммегөлсем тәкый Фатыйма [НФ, с. 21]. – *Из четырех дочерей одна Зайнап, другие Рукыйя, Умм Кульсум и Фатима*. Әхнәф **ибн** Кайс («أَحْنَفُ بْنُ قَيْسٍ») рәхмәтуллаһи галәйһи бер ирне күрде [НФ, с. 116]. – *Ахнаф ибн Кайс увидел одного мужчину*.

В значении «дедушка» и «бабушка» вместе со словами *олуг* (улуг) *ата* и *олуг ана* имеются и арабские по происхождению лексемы *жәдд* (ар. араб. «جَدٌّ» – дедушка) [НФ, с. 151-152] и *жәддә* (ар. араб. «جَدَّةٌ» – бабушка) [НФ, с. 151-152].

В «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари зафиксировано слово *عَمٌّ* для обозначения понятия «дядя по отцовской линии» [НФ, с. 22] и *خَالَةٌ* «тетя по материнской линии» [НФ, с. 355]: «*Әй гаммым, Әбу Суфийанны бер таррак йирдә тотгыл, бу чәрик газаматыны күрсен, тәкый мунча халаик исламга кергәнне күрсен*» [НФ, с. 57]. – «*О, дядя, загоните в непроходимое место и захватите Абу Суфьяна, пусть он увидит мощь войска, и то, как много людей приняли ислам*». Әбу

Бәкергә әйделәр кем: «Синең **халәң** углы Мустихдин чыкты, тәкый Габдуллаһ ибне Үбәйхәдин, тәкый Хәссәндин чыкты» [НФ, с. 355]. – *Абу Бакру сказали: «Вышел от Мустиха, сына твоей **теми**, а еще от Абдуллы ибн Убайхи и от Хас-сана».*

В произведении «Нахдж ал-Фарадис» встречается лишь один термин свойства, заимствованный из арабского языка – *әһле* (от ар. «أهل») в значении «супруга, жена» [НФ, с. 97]: Пәйгамбәр, صَلَّى اللهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ : «Йә Гомәр, **әһленә** ни микъдар куйдың» – тип сорады әрсә, Гомәр әйде: «**Әһлемә** тәкый угланларыма бу китергәнем микъдарынча куйдым», – тиде [НФ, с. 97]. – *Пророк, صَلَّى اللهُ عَلَيْهِ وَسَلَّمَ, спросил: «Омар, ты сколько оставил **жене**»? Омар сказал: «**Жене** и детям оставил ровно столько, сколько принес сюда».*

Арабские термины родства и свойства в современном татарском языке не используются, сохранились лишь в составе имен собственных. Основную часть терминов родства и свойства в рассматриваемом памятнике также составляет исконная общетюркская лексика.

В **Заключении** подводятся итоги выполненной работы, формулируются основные выводы и намечаются пути новых исследований темы:

Полученные в ходе анализа функционирования арабских заимствований в тексте «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари (1358) данные представляют несомненный интерес для изучения истории становления и эволюции письменнo-литературной нормы современного татарского литературного языка.

1. Используемый фактографический материал памятников дает возможность описать особенности вокалической и консонантной системы арабизмов, проследить включение лексем в фонетические трансформации системы татарского языка. Установлено, что в фонетическом оформлении арабских заимствований, в произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари наблюдается сохранение орфографических норм арабского языка. Графо-фонетическое варьирование отдельных лексем является результатом адаптации арабской графики в строй старотатарского литературного языка.

2. Материал исследуемого источника позволил прийти к выводам, связанным с грамматической адаптацией арабизмов в языке памятника, и установить некоторые закономерности приобретения заимствованиями грамматических показателей собственно татарских слов, к которым относятся формы рода и числа, категория принадлежности а также падежного словоизменения.

3. Тематический диапазон арабизмов был достаточно широк и охватывал самые разнообразные сферы общественной и частной жизни: от наименований государственного устройства до хозяйственной терминологии.

Проведенный в работе анализ позволил представить довольно сложную и многообразную картину функционирования арабизмов в языке «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. При этом прослеживается четкая закономерность между объективно обусловленным уровнем функциональной активности и степенью проникновения арабизмов в текст тюрко-татарского памятника.

Исследование отчетливо продемонстрировало настоятельную необходимость дальнейшей разработки проблематики освоения заимствований, вопросов теории и методологии языковых контактов в тот или иной период функционирования та-

тарского языка, в результате которых появлялись арабизмы как средство обогащения его лексического фонда, к сожалению, пока ещё недостаточно изученного применительно к эпохе средневековья, одного из важнейших этапов развития татарского литературного языка.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Салахова, И.И. Масдары в тюрко-татарском произведении эпохи Золотой Орды «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари // Вестник Чувашского университета. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – № 2. – С. 211–215.

2. Салахова, И.И. Графемы, передающие согласные фонемы, в арабских заимствованных словах и их отражение в тюрко-татарском произведении периода Золотой Орды «Нахдж ал-Фарадис» (1358) // В мире научных открытий. – Красноярск, 2014. – № 7. – С. 183–200.

3. Салахова, И.И. Квазипричастия, заимствованные из арабского языка (на материале тюрко-татарского произведения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина. – 2014. – № 4. – С. 84–91.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Салахова, И.И. Богословская лексика в языке памятника XIV века «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари // Филология в полиэтнической и межконфессиональной среде: состояние и перспективы. Сборник научных статей. Выпуск 1. – Казань: РИИ, 2009. – С. 204–212.

5. Салахова, И.И. Причастия, заимствованные из арабского языка в произведении Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис » (1358) // Теория и практика подготовки учителя иностранного языка: опыт, проблемы, перспективы. Всероссийская научно-практическая конференция. – Казань: ТГГПУ, 2010. – С. 573–581.

6. Салахова, И.И. Термины родства и свойства, заимствованные с арабского языка в произведении Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис» (1358) // Филология в полиэтнической и межконфессиональной среде: состояние и перспективы. Сборник научных статей. Выпуск 2. – Казань: РИИ, 2010. – С. 96–103.

7. Салахова, И.И. Согласованные и несогласованные определения (идафа) в произведении Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис» // Филология в полиэтнической и межконфессиональной среде: состояние и перспективы. Сборник научных статей. Выпуск 3. – Казань: РИИ, 2011. – С. 82–85.

8. Салахова, И.И. Сравнительная и превосходная степень имени прилагательного (اسم التفضيل) в тюрко-татарском памятнике эпохи Золотой Орды «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари (1358 г) // Филология в полиэтнической и межконфессиональной среде: состояние и перспективы. Сборник научных статей. Выпуск 4. – Казань: РИИ, 2012. – С. 63–66.

9. Салахова, И.И. Формы множественного числа арабских существительных (по памятнику «Нахдж ал-Фарадис Махмуда ал-Булгари» (1358 г.)) // Хаковские чтения-2012. Сборник научных статей. – Казань: КФУ, 2013. – С. 33–35.

10. Салахова, И.И. Правовая лексика в произведении Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис» // Инновационные технологии в совершенствовании учебного процесса в мусульманских учебных заведениях. Сборник научных статей. – Казань: РИИ, 2013. – С. 117–123.

11. Салахова, И.И. Бытовая лексика в произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари (1358) // Филология в полиэтнической и межконфессиональной среде: состояние и перспективы. Сборник научных статей. Выпуск 5. – Казань: РИИ, 2014. – С. 116–134.

Подписано в печать 30.04.2015 г. Формат 60×84 ¹/₁₆
Тираж 130 экз. Усл. печ. л. 1,75

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292–95–68, 292–84–82